

Мастера сутр цзинши и наставники
в Дхарме чандао в категориальной схеме
памятника «Гао сэн чжуань»
(«Жизнеописания достойных монахов», ок. 530 г.)

Павел А. Богомолов

*Московская высшая школа социальных и экономических наук,
Москва, Россия, wenegret6@gmail.com*

Аннотация. Китайский исследователь Сян Да в 1940 г. высказал гипотезу о том, что проповеди по сутрам могли отделяться от специфической религиозной среды и бытовать отдельно в виде самодостаточных текстов. Он же обратил внимание на то, что в этом процессе в раннее Средневековье (III–VI вв.) могли принимать участие наставники-чандао. В нашей статье предпринята попытка на материале памятника «Гао сэн чжуань» («Жизнеописания достойных монахов», начало VI в.) реконструировать критерии, на основании которых летописец определил эту группу монахов. Мы установили ее границы, сравнив наставников-чандао с другими категориями религиозных деятелей из «Гао сэн чжуань»: с мастерами сутр *цзинши*, с одной стороны, и с декламаторами *сунцзин* – с другой. В статье доказывается, что понятия *чандао* и *цзинши* обозначали особые группы религиозных специалистов, характерных для китайской буддийской общины IV – начала VI в., в то время как *сунцзин* указывало не на профессионализм, а на личные заслуги и благодать монаха.

Ключевые слова: чандао, цзинши, сунцзин, Гао сэн чжуань, чаньхуэй, церемонии чжай

Для цитирования: Богомолов П.А. Мастера сутр цзинши и наставники в Дхарме чандао в категориальной схеме памятника «Гао сэн чжуань» («Жизнеописания достойных монахов», ок. 530 г.) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 4. С. 35–52. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-4-35-52

Sutra masters Jingshi and Dharma preachers Changdao in the Buddhist monks' classification system of "Gao Seng Zhuan" ("Biographies of eminent monks")

Pavel A. Bogomolov

*Moscow School of Social and Economic Sciences,
Moscow, Russia, wenegret6@gmail.com*

Abstract. In 1940 the philologist Xiangda put forward a hypothesis that in medieval China sutra preaching could be separated from its religious environment and continue to spread separately in the form of self-sufficient texts. He also drew attention to the fact that in the early Middle Ages (3^d – 6th centuries) *changdao* preachers could be playing a crucial role in this process. In our article, drawing upon the material of biographies collection "Gao Seng Zhuan" ("Biographies of Eminent Monks", beginning of the 6th c.) we attempt to reconstruct certain criteria the chronicler identified this group of monks with. We have determined its boundaries by comparing *changdao* preachers with other categories of religious figures from the "Gao Seng Zhuan": with the sutra masters *jinshi*, on the one hand, and with the declamators *songjing*, on the other. The article proves that the concepts of *changdao* and *jingshi* was to signify special groups of religious specialists which were typical of the Chinese Buddhist community in the 4th – beginning 6th centuries. At the same time the term *songjing* did not mean professionalism, but personal merits and bliss a monk had obtained.

Keywords: changdao, jingshi, songjing, GaoSeng Zhuan, chanhui repentance, zhai ceremonies, Biographies of Eminent Monks.

For citation: Bogomolov, P.A. (2022), "Sutra masters Jingshi and Dharma preachers Changdao in the Buddhist monks' classification system of 'Gao Seng Zhuan' ('Biographies of eminent monks')", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 4, pp. 35–52, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-4-35-52

Введение

Первый текст, фиксирующий существование мастеров сутр *цзинши* (далее – мастера-*цзинши*) и наставников в Дхарме *чандао*¹

¹ Перевод слова 经师 как «мастера сутр» заимствовано из традиции англоязычных работ: 经师. *Muller Ch.* Digital dictionary of Buddhism. URL: <http://www.buddhism-dict.net/cgi-bin/xpr-ddb.pl?q=%E7%BB%8F%E5%B8%88> (дата обращения 4 авг. 2022). Аргументы

(далее – наставники-чандао), – это агиографический сборник «Гао сэн чжуань» («Жизнеописания достойных монахов», далее – ГСЧ). Текст ГСЧ делится на десять разделов, которые, по определению М.Е. Ермакова, соответствуют десяти культурно-историческим типам китайских буддийских монахов II – нач. VI в. [Ермаков 1993, с. 95–98]. В связи с этим М.Е. Ермаков переводил названия разделов именами нарицательными: 1) «Переводчики»; 2) «Толкователи текстов»; 3) «Чудотворцы»; 4) «Преуспевшие в самосозерцании»; 5) «Знатоки Винаи»; 6) «Принесшие себя в жертву»; 7) «Декламаторы»; 8) «Сотворившие благо»; 9) «Мастера сутр цзинши» и 10) «Наставники в Дхарме чандао»². Поскольку данная десятиричная классификация была разработана именно для первого буддийского агиографического сборника [Wright 1954, pp. 400, 422], мы считаем, что разделы ГСЧ следует воспринимать более осторожно в качестве категорий классификации с точки зрения конкретного человека – инициатора составления сборника: т. е. сам историограф в ходе осмысления истории конструировал идеальные типы.

Категории монахов в ГСЧ не выстраиваются в единую иерархию. Рабочей гипотезой будет предположение о том, что монахи распределены таким образом в соответствии с тем, за счет чего они прославились или в какой сфере деятельности больше всего преуспели. Но, несмотря на отсутствие иерархических отношений между разными категориями монахов, составитель ГСЧ прямо высказывает свое пренебрежение в отношении мастеров-цзинши и наставников-чандао. О том, почему разделы про этих монахов расположены в самом конце сборника, он пишет:

Изначально, составляя черновой вариант «Гао сэн чжуань», я включил в него только восемь разделов. И все же я использовал материалы об этих двух профессиях (技) – цзин-ши и чандао. И хотя они – последние в ряду вставших на Путь, <однако попытки> привести мирян к прозрению достойны восхищения. <...> У них всех есть дарование понять, что нужно эпохе. Они уничтожают порочное и устанавливают моральные устои (ГСЧ, с. 418).

для нашего варианта перевода слова 唱導 см. ниже в разделе «Наставники-чандао».

² Названия первых восьми разделов даны в переводе М.Е. Ермакова, последних двух – в переводе автора. 9-й и 10-й разделы М.Е. Ермаков перевел соответственно «Наставники в сутрах» и «Сказители» (*Хуэй-цзяо*. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань) / Пер. с китайского, исслед., коммент. и указатели М.Е. Ермакова. Т. 1 (Разд. 1: Переводчики). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 9).

Во-первых, в данном фрагменте Хуэй-цзяо использует слово 技 («техника», «искусство»), что, видимо, должно указывать на определенные техники, которыми владели монахи. Мы считаем возможным перевести это слово как «профессия». Во-вторых, с точки зрения Хуэй-цзяо, монахи *цзинши* и *чандао* достойны упоминания только потому, что они занимались миссионерством и обращали других в буддизм.

Однако, как мы выяснили на основе анализа специфической лексики 9-го и 10-го разделов³, у мастеров-*цзинши* и наставников-*чандао* был ряд обязанностей: мастера-*цзинши* исполняли гимны, словословия, читали нараспев сутры; наставники-*чандао* исполняли проповеди особого жанра (*чандао-вэнь*), комментировали сутры, отправлялись в миссионерские путешествия, посвящали мирян в буддизм и возлагали на них пять мирских обетов. Ключевым элементом деятельности и тех и других была рецитация религиозных текстов разных жанров во время проведения покаянных церемоний-*чжай* (кит. 齋)⁴. На это обратил внимание китайский филолог Сян Да, первый академический ученый, концептуализировавший феномен наставников-*чандао* в китайской истории: в статье «Исследования *суцзян* эпохи Тан», опубликованной в 1940 г. [Сян Да 2001, с. 286–327], он высказал гипотезу, согласно которой тексты, исполнявшиеся наставниками-*чандао*, могли быть одной из ранних стадий формирования жанра проповедей *суцзян* (кит. 俗讲), сложившегося к началу эпохи Тан (618–907 гг.)⁵.

Тайваньский исследователь Ши Даоюй в статье «Влияние *цзинши* и *чандао* на буддийский ритуал покаяния в Китае» также указывает на то, что деятельность монахов *цзинши* и *чандао* могла оказать влияние на формирование определенных жанров буддийской литературы: «Совершение поклонений Будде, покаяние были неотъемлемой частью покаянных церемоний-*чжайхуэй*

³ Богомолов П.А. Воспевающие Истину наставники-чандао в хронике Хуэй-цзяо «Гао сэн чжуань» («Жизнеописания достойных монахов»): Курсовая работа. НИУ Высшая школа экономики, 2021. 56 с.

⁴ *Чжай* – перевод индийского термина *посадха*, обозначающего монашеское мероприятие, во время которого каждый, кто нарушал принятые обеты, должен был публично раскаяться. Раскаяние, *кшама* на санскрите, переводилось на китайский язык сочетанием 忏悔 (*чаньхуэй*). В рамках махаянской доктрины о природе бодхисаттвы *посадха* стала самой фундаментальной формой выражения набожности среди неграмотного/полуграмотного населения. Через раскаяние во время *посадхи* человек зарабатывает себе благодать-*гундэ* [Gernet 1995, pp. 254, 257–259].

⁵ Слово *суцзян* переводится как «народные проповеди», «занимательные рассказы» и пр.

или дхармовых [религиозных] собраний-*фахуэй* (法会), а тексты *чандао-вэнь* (唱导文) – это тексты для рецитации во время этих собраний. Эти тексты, вероятно, связаны с комментариями-*шувэнь* (疏文) современных дхармовых собраний. Возможно, *чандао-вэнь* – это предшественник *шувэнь*» [Ши Даоюй 2019, с. 99].

Сян Да не обратил внимания на возможную кооперацию между мастерами-*цзинши* и наставниками-*чандао*. Напротив, китайский филолог Ван Цзюань в статье «О различных значениях понятия *чандао*» (2013) на основании следующих наблюдений предполагает, что наставники-*чандао* и мастера-*цзинши* были специалистами одной сферы деятельности: 1) в жизнеописаниях и тех и других встречается общая специальная лексика (в отличие от других разделов); 2) и тех и других Хуэй-цзяо сопоставляет в заключении-*лунь* к 10-му разделу и дает им одну общую дефиницию в послесловии-*сюйлу* (14 *цзюань*); 3) эти же типы впоследствии в собрании жизнеописаний «Сюй гао сэн чжуань» Дао-сюаня были объединены в один раздел под названием «Различные типы проповедующих Дэ» («Цза кэ шэн дэ»). Исходя из того, что наставники-*чандао* и мастера-*цзинши* специализировались на воспроизведении определенных текстов во время религиозных собраний, Ван Цзюань предлагает следующий чисто формальный принцип их различения: *чандао* устно наставляли мирян в Учении, но при этом не прибегали к искусству пения (не владели им?); соответственно, *цзинши* пропевали свои тексты (сутры, славословия Будде, дхарани и пр.). Однако Ван Цзюань основывает свой вывод главным образом на этимологии и семантике слова *чандао*, не вдаваясь в анализ специфической историко-культурной роли наставников-*чандао*.

Также, что особенно важно для нашего исследования, Ши Даоюй высказывает идею о том, что мастера-*цзинши* и наставники-*чандао* были обозначениями для формирующихся институтов религиозных специалистов. Он подтверждает свой тезис указаниями на определенные виды деятельности, регулярно упоминаемые в биографиях обоих разделов [Ши Даоюй 2019, с. 100].

Мы, следуя за Ши Даоюем, ставим перед собой цель определить, указывают ли категории *цзинши* и *чандао* на объективно существовавшие институты ритуальных специалистов. Для этого мы продемонстрируем, что из текста ГСЧ можно выделить: 1) ряд характеристик, необходимых для выполнения функций мастера-*цзинши* и наставника-*чандао*; 2) стадии профессионального становления, которые должен был пройти человек, чтобы стать таким профессионалом. Мы считаем, что понимание роли монахов этих категорий в китайском обществе должно помочь нам определить социальный и религиозный контекст одного из ранних этапов формирования текстов простонародного, неэлитарного буддизма.

Проведенное исследование вписывается в теоретическую рамку, предложенную китайским филологом Сунь Кайди [Сунь Кайди 1956] и разработанную в трудах Л.Н. Меньшикова⁶, Б.Л. Рифтина [Рифтин 1970, с. 11–12] и М.Е. Ермакова [Ермаков 1994, с. 95–98]: буддийские монахи адаптировали свое Учение под интересы паствы, развивали сюжетную составляющую проповеди, что к середине VIII в. привело к появлению такого синкретического жанра литературы, как *бяньвэнь*. Вследствие этого в современной научной литературе на китайском языке монахи-*чандао* представляются как предтечи появления жанра *бяньвэнь*, а с их именем связывается особый раздел литературы – *чандао-вэньсюэ* [Чжэнь Ацай 2016, с. 115]. Мастера-*цзинши* же дополняли деятельность наставников-*чандао*: адаптировали тексты сутр для пения – задавали ритм, подыскивали рифмы и мелодии.

Дальнейшие наблюдения основаны на переводах трех разделов, выполненных автором данной статьи.

Структура лечжуаней разделов «Цзинши» и «Чандао» памятника «Гао сэн чжуань»

ГСЧ написан по канону раздела *лечжуань* («Собраний биографий») нормативных императорских хроник-*чжэньши*.

Тексты биографий чтецов-*цзинши* и наставников-*чандао* в среднем имеют следующую структуру:

- П. 1. Происхождение монаха, фамилия /имя;
- П. 2. Детство/отрочество монаха;
- П. 3. Пострижение в монахи/Поселение в конкретном монастыре;
- П. 4. Описание особенностей/способностей/деятельности монаха;
- П. 5. Встреча с императором;
- П. 6. Встреча/дружба с сановниками (наиболее подробные нарративы);
- П. 7. Чудесная история (наиболее подробные нарративы);
- П. 8. Приобретения/морализирующий итог;
- П. 9. Смерть;
- П. 10.1. Информация о письменных трудах монаха;
- П. 10.2. Сведения об учениках монаха. (Ср. структуру с минимальным набором информационных блоков для всех биографий ГСЧ, выделенную М.Е. Ермаковым⁷.)

⁶ Бяньвэнь о Вэймоцзе / Изд. текста, предисл, пер. и коммент. Л.Н. Меньшикова. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 14–16.

⁷ *Хуэй-цзяо*. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань)... С. 82.

Мастера сутр цзинши

Мастера-цзинши специализировались на декламации сутр и пении гимнов во время религиозных собраний, в частности – покаянных церемоний-чжай. Они также могли посвящать желающих в буддизм, возлагая на них пять базовых обетов [Ши Даоюй 2019, с. 83–92].

Укажем на ряд характеристик, которыми должен обладать идеальный мастер-цзинши, и продемонстрируем соответствующие фрагменты из 9-го раздела «Цзинши» (13-я *цзюань*) ГСЧ в нашем переводе.

1. У мастера-цзинши должен быть хороший голос. Нижеприведенная чудесная история акцентирует эту необходимость:

Бо Фа-цяо в детстве любил декламировать сутры, но потерял голос. <...> Поэтому Фа-цяо отказался от пищи и исполнял ритуал покаяния-чаньхуэй 7 дней и 7 ночей, кланялся перед изображением бодхисаттвы Гуаньинь, моля его о прижизненном воздаянии. С наступлением 7-го дня он почувствовал, что гортань его вдруг открылась. Тогда он взял воды, прополоскал рот и сказал: «Я получил воздаяние!» Тогда он трижды прочитал сутру. Его голос проникал в глубины <смысла>. Многие люди издалека и вблизи сильно дивились и приходили посмотреть и послушать. <...> И в 90 лет его голос как будто не изменился (ГСЧ, с. 413).

2. Надо учиться, чтобы стать мастером-цзинши:

Ши Тань-пин в молодые годы отправился в столицу <Цзянькан, совр. Нанкин пров. Цзянсу>, <там> стал учиться декламировать <сутры>, поселился в монастыре Байма-сы. Звук и мелодия были глубоко проработаны, и потому <Тань-пин> брал на себя обязательства при проведении утренних <служб> (ГСЧ, с. 414).

3. Мастера-цзинши обучались технике декламации и пения у учителей, но при этом составитель ГСЧ поощряет новаторство:

У Ши Тань-чжи <...> был высокий чистый голос, благодаря чему он умел хорошо декламировать сутры. Хотя он подражал своим предшественникам, но прославился за счет новаторства. У него был высокий тембр, а голос чистый и проникновенный. От него сохранилось много текстов (ГСЧ, с. 414).

В той же биографии-лечжуани далее мы узнаем о существовании различных способов декламации и пения текстов:

Дао-лан как возьмет звук, так его и тянет. Фа-жэню нравилось сохранять точность <смысла в ущерб ритму и мелодии?>. Чжи-синь хорошо владел ладами-цзэдяо. Хуэй-гуану нравился стремительный летящий голос (ГСЧ, с. 414).

Но помимо владения техникой исполнения мастер-цзинши должен хорошо разбираться в текстах буддийского канона и подбирать подходящие под ситуацию сутры и гимны:

Однако красота декламации сутр заключается одновременно в мелодии и тексте. Если останется только мелодия без текста, то не будет того, с помощью чего порождается сердце, <устремленное к> Учению. Если останется только текст без мелодии, то не будет того, с помощью чего можно проникнуть в чувства обывателей. Посему в сутре говорится: «Славить добродетель Будды изящной и чудесной музыкой и песнями» (цитата из «Фо шо у лян шоу цзин»). Это и называется <декламировать сутры> (ГСЧ, с. 414–415).

Также в авторском заключении-лунь к 10-му разделу «Чандао» читаем следующий фрагмент, который относится одновременно и к наставникам-чандао, и к мастерам-цзинши:

Что касается тех, у кого опыта в различных искусствах немного, а познания незначительны, поскольку они не способны давать быстрые рассудительные ответы, то вынуждены полагаться на старые книги. Поскольку у них отсутствует красноречие, <то они пользуются> тем, что написали другие. Когда они вещают, то и в мелодиях, и в <ритуальных?> действиях допускают ошибки. В <тех книгах тоже> бывают ошибки, и тем не менее все поют с опорой на них. Доходит до путаницы в иероглифах и ошибках в написании (ГСЧ, с. 417–418).

4. Деятельность мастеров-цзинши была направлена на мирян и имела место во время особых покаянных церемоний-чжай:

Из прохожих, услышавших, как Дао-цзун исполняет сутры, не было таких, кто бы не остановил свой экипаж и не стал бы, щелкая пальцами, славить Будду.

В то же время в том монастыре жили также Чао-мин и Мин-хуэй: они пели буддийские гимны, декламировали сутры во время длинных церемоний-чжай и тоже прославились в ту эпоху (ГСЧ, с. 414).

5. Помимо информации о том, какими способностями должен обладать мастер-цзинши и что входило в его обязанности, в тексте ГСЧ есть как имплицитные, так и прямые указания

на сакральность его деятельности (поскольку тексты сутр, как истинные слова Будды, сами по себе сакральны):

Чжи Тань-яо обладал особенным, прекрасным голосом и умел искусно декламировать сутры. Однажды ему приснилось, что небесный дух передал ему образцы мелодий <для гимнов>. После пробуждения на основании этого Тань-яо сочинил новые мелодии. Индийские гимны исполнялись теперь чисто и детально, <мелодия> распространялась повсюду – разлеталась на четыре стороны (ГСЧ, с. 414).

И в авторском заключении-*лунь* к разделу «Цзинши» читаем:

С древности повелось, что музыка <должна> проникать и двигать. Поэтому, когда буддийские учителя воспевали гимны, красные гуси останавливались как замороженные. Голоса бхикшу так разливались, что синие птицы от радости забывали, как летать. Тань-пин устанавливал такой ритм, что птицы и лошади выгибались <как будто для того, чтобы посмотреть>. Сэн-бянь так играл со звуком, что журавли останавливали свой полет (ГСЧ, с. 415).

6. Появление института мастеров-*цзинши* связывается в ГСЧ с деятельностью поэта Цао Чжи (192–232 гг.)⁸:

Вначале был вэйский Чэньсы-ван по имени Цао Чжи, который очень любил музыку и уделял внимание звучанию сутр. Он проник в благодатные звуки Бога музыки (Баньчжэ) и постиг божественные композиции на горе Юй-шань. Тогда Цао Чжи адаптировал сутру «Жуй ин бэнь ци <цзин>» и сделал из них образец для обучающихся. Он получил на горе Юй-шань более 3000 гимнов, <из которых ныне> сохранилось 42. Впоследствии Бо Цяо, Чжи Яо продолжили дело Чэньсы-вана> (ГСЧ, с. 415).

Однако впервые эта легенда появляется в источниках V в., т. е. примерно через 200 лет после смерти Цао Чжи. Как показывает Эрик Цюрхер [Zürcher 2007, pp. 56–57] со ссылкой на К.П.К. Уайтэйкера [Whitaker 1957, pp. 585–597], эта легенда сформировалась в даосской среде при участии людей, желавших за счет апелляции к авторитету великого поэта повысить статус даосской общины/учения. Тогда же, в IV в., она была адаптирована буддистами. Можно сделать два предположения о том, почему Хуэй-цзяо

⁸ Buddhist studies persons authority database (Beta version). URL: <https://authority.dila.edu.tw/person/?fromInner=A006014> (дата обращения 4 авг. 2022).

использовал легенду о Цао Чжи в ГСЧ: либо этот нарратив усвоили сами мастера-цзинши и использовали его для определения себя как особых специалистов в рамках сангхи, либо это был нарратив, объяснявший происхождение и преемственность мастеров-цзинши с точки зрения монахов-книжников (кем являлся Хуэй-цзяо)⁹.

Наставники-чандао

Синонимом 唱导 является слово 导师: в источнике оно встречается 4 раза, выступая во всех случаях в функции существительного (в позиции подлежащего или дополнения). В заключении-лунь оно приравнивается к субстантивированной конструкции 唱导者 («тот, кто занимается чандао»). Учитывая, что иероглиф 导 в источнике ни разу не употреблен как самостоятельная смысловая единица (всегда – в составе двуслогов), можно предположить, что слово 导师 – это сокращенная форма от 唱导师, которое было сведено к двуслогу. Получается, что слово чандао в тексте означает действие, а даоши – агента действия. Поскольку для сокращенной формы, которая обозначает монаха, выполняющего действия чандао, была выбрана морфема 导, мы полагаем, что она семантически более значима, чем морфема 唱, и, таким образом, предлагаем переводить термин чандао в значении субстантива как «наставник», ставя акцент на семантике последнего слога. Для более корректной репрезентации этого слова на русском языке мы выбрали гибридный способ перевода – наставники-чандао.

В авторском заключении-лунь раздела «Чандао» Хуэй-цзяо приводит свою дефиницию понятия «чандао»: «Чандао – это те, кто, декламируя и воспевая Дхарму и принципы, открывают и ведут [к пробуждению] сердца людей»¹⁰.

Таким образом, переводить вслед за М.Е. Ермаковым понятие «чандао» как «сказители» некорректно с точки зрения семантики слова. Далее мы докажем, что и фактически наставники-чандао не имели никакого отношения к сказительству.

Укажем, что представляет собой идеальный наставник-чандао как религиозный специалист, опираясь на текст 10-го раздела «Чандао» ГСЧ.

1. У наставников-чандао должен быть хороший голос для привлечения слушателей, им нужно знать наизусть множество текстов

⁹ Также см. ниже легенду, связывающую наставников-чандао с Хуэй-юанем.

¹⁰ Цит. по: Богомолов П.А. Воспевающие Истину наставники-чандао в хронике Хуэй-цзяо «Гао сэн чжуань»... С. 35–36.

как буддийского содержания, так и даосского и конфуцианского, а также светскую литературу. Приведем следующий пространный фрагмент:

Для наставников-чандао важны четыре вещи: мелодия (*шэн*), рассудительность (*бянь*), красноречие (*цай*), ученость (*бо*). Без мелодии не получится взволновать толпу. Не будучи рассудительным, не получится адаптироваться под особенности эпохи. Если не обладать красноречием, слова не будут иметь ничего ценного. Без учености речь будет необоснованной.

Предназначение мелодии в том, чтобы уподобить звук колокольному звону, а ритм – барабанному бою. Тогда у зрителей будет захватывать дух. Чтобы речь имела успех и усваивалась паствой, нужна рассудительность. Чтобы сочинить <...> текст <...>, необходимо красноречие. Ученость необходима, чтобы рассуждать о сутрах и Абхидхарме и делать отсылки к классическим книгам и историческим хроникам. Если хорошо владеть этими четырьмя вещами, то получится адаптироваться под паству и эпоху.

Когда чандао проповедует пяти группам людей, отрешенных от мира, то он должен разъяснять догмат о непостоянстве и призывать людей со скорбью раскаться.

Когда чандао предстает перед монархом или знатью, то должен в свою проповедь вкраплять отсылки к мирской изящной классической литературе.

Когда чандао проповедует простому народу, то должен <разъяснять Учение>, указывая на конкретные образы, и говорить о том, что можно слышать и видеть.

Когда чандао проповедует в диких местах горным людям, то должен, сблизившись с местными и говоря на их языке, указывать им на несправедные поступки, помогать им измениться и пробудиться (ГСЧ, с. 417–418).

2. Некоторые наставники-чандао учились технике декламации текстов у других монахов чандао: у Ши Дао-чжао был ученик (о нем ничего не известно); с Ши Даожу в одном монастыре жили другие менее известные в свое время наставники-чандао, которые, возможно, учились у него; у Ши Фа-юаня было множество учеников, одному из которых – Ши Фа-цзину – даже посвящена отдельная биография-*лечжуань*.

3. Деятельность наставников-чандао была направлена на мирян и имела место во время особых покаянных мероприятий-*чжай*:

<В то время> не было наставника-чандао для проведения церемоний-*чжай*. Потому Хэнъянский ван Лю Ицзи сказал Тань-гуану:

«Помогать и наставлять людей – основа добродетели. Как же монах может отказать в этом людям? Вы должны приложить к этому все усилия». Тогда Тань-гуан обратился сердцем к упражнению в пении и декламации, стал писать покаянные тексты. Каждый раз, когда он с курильницей в руках обращался к толпе, и монахи, и миряне склоняли перед ним головы.

Ши Дао-чжао <...> У него был чистый и звонкий голос, который очищал людские сердца. Его наставления были своевременны. Когда он произносил речи, вокруг него всегда были люди <...>.

Как-то император Сун У-ди <ум. 422> проводил во внутренних покоях церемонию-чжай. Дао-чжао вечером начал излагать: «Сотня лет быстро уходит в небытие, счастье и несчастье мимолетны и спутанны. Все исходит из причины. Татхагата с милостью откликается на <зов> шести кругов перевоплощения. Пусть и Ваше Величество <также> будет заботливым и милостивым ко всему» (ГСЧ, с. 416).

Покаянные церемонии-чжай могли устраиваться для поминовения умерших и для облегчения их кармы. В биографии Ши Тань-цзуна приводится прямая речь монаха, напоминающая причитание во время службы по умершей наложнице императора:

Ши Тань-цзун <...> Однажды умерла наложница императора – Инь Шу-и <ум. 462>. Двадцать один день продолжали церемонию-хуэй, и монах Дао-цзун был приглашен принять участие.

Дао-цзун начинал надрывно петь: «Мир иллюзорен, любовь недолговечна! О, госпожа Инь была добродетельна и целомудренна, но не насладилась она почетом сполна! И завяла она в этом году, но сегодня получит (посмертную) славу!» (ГСЧ, с. 416).

4. Так же, как в случае с мастерами-цзинши, появление профессии наставников-чандао связывается в ГСЧ с деятельностью известного китайского деятеля – монаха Хуэй-юаня (легендарного патриарха школы Чистой земли, умер в 419 г.). Он якобы разработал особый жанр проповеди, исполнявшейся во время церемоний-чжай, который унаследовали первые наставники-чандао. Но в собственной биографии Хуэй-юаня из ГСЧ об этом нет ни слова. В других более ранних или синхронных ГСЧ источниках этой легенды нет. Можно предположить, что это 1) либо легенда конкретного профессионального сообщества, 2) либо попытка со стороны историографа привязать феномен наставников-чандао к конкретной хорошо известной традиции. Однако у нас недостаточно доказательств в пользу ни той, ни другой версии [Zürcher 2007, pp. 209–210].

Чтецы-сунцзин

Для того чтобы лучше увидеть специфику феноменов *цзинши* и *чандао*, мы предлагаем сравнить их с другой категорией монахов: рецитация религиозных текстов как постоянная деятельность и обязательная характеристика помимо мастеров-*цзинши* и наставников-*чандао* свойственна еще только декламаторам сутр *сунцзин* (诵经, далее – декламаторы-*сунцзин*). Последним посвящен 7-й раздел ГСЧ. Иероглиф – входит в корпус специфической лексики, описывающей исполнительские практики мастеров-*цзинши* (один из самых частотных терминов). Однако в отличие от биографий последних в 7-м разделе акцент ставится на чудесах и аскетическом ригоризме, а не на участии декламаторов-*сунцзин* в религиозной жизни монахов и мирян: только несколько раз встречаются упоминания о том, что представители данной категории читали сутры прилюдно. В то же время нарративы о чудесах и мотивы, описывающие сверхъестественные способности декламаторов-*сунцзин*, наличествуют во всех биографиях (всего их – 21). С другой стороны, такие мотивы не характерны для биографий монахов *цзинши* и *чандао*.

Если мы разложим все чудесные истории на элементарные мотивы и сгруппируем их, то получим набор характеристик идеального *сунцзин*:

- 1) юродство;
- 2) экстремальный аскетизм;
- 3) общение с животными;
- 4) в воздухе распространяется благоухание, когда монах читает сутру;
- 5) снисходят небесные духи, чтобы пообщаться с монахом;
- 6) демоны-гуй:
пытаются мешать медитации монаха, монах всегда побеждает;
куда бы монах ни пришел, духи (神, 鬼, 精) бегут оттуда;
демоны-гуй приходят к монахам за помощью, чтобы достичь более благоприятного рождения;
- 7) при чтении заклинаний:
могут вызывать дождь;
исцелять (экзорцизм);
- 8) при чтении сутр появляются фантомы как манифестации соответствующих литературных сцен.

Мы выделили вышеперечисленные мотивы по принципу повторяемости (минимум в двух биографиях при условии функциональной значимости для структуры текста).

Таким образом, декламаторы-*сунцзин* – это аскеты: своими религиозными подвигами они приобретают качество *гундэ*

(кит. 功德) – благодать. Это слово можно также перевести как «святость». Благодаря святости монахам этой категории сопутствуют чудеса. В авторском послесловии к разделу «Сун-цзин» Хуэй-цзяо пишет:

Велика польза от чтения [сутр] вслух! Однако немного тех, которые могут реализовать ее! Из-за того, что трудно добиться «полной удержимости» <видимо, имеется в виду достижение эффективности чтения заклинаний-дхарани¹¹>, глупость и пренебрежение так часты. В сутре говорится: «Составлять гимны предложение за предложением и стих за стихом – это Святые называли прекрасным». Благодаря этому Ши Тань-суй проник духом в <тексты> на каменном возвышении, а Ши Сэн-шэн получал помощь из пустоты, Ши Да-цзюн был спасен во время опасности, Ши Хуэй-цин остался цел, когда должен был утонуть. Все они были полны истинной благодати/святости, посему они получали внешние знамения и отклики.

В сутре говорится: «<Слон> с шестью бивнями нисходит в дом, четыре махараджи сидят, охраняя <монаха>». Неужели это все пустое? Если в холодную и тихую ночь, когда светит полная луна, а все вокруг черным-черно, в одиночку в пустом доме начать нараспев читать сутры так, чтобы звук был твердым и чистым, а слова отчетливы, – этого достаточно, чтобы заставить души умерших и духов возрадоваться. Таким образом, через то, что называется петь и декламировать слова Учения, создается музыка (ГСЧ, с. 408–409).

У нас есть два указания в тексте 7-го раздела ГСЧ на то, что декламаторы-*сунцзин* посвящали мирян в буддизм: в первом случае говорится о трех тысячах посвященных (см. биографию Ши Фа-цзуна), а во втором – о «многих» (см. биографию Ши Дао-суна). Из того, что на двадцать одну биографию приходится только два подобных упоминания, можно заключить, что принимать обеты от монахов *сунцзин* не было распространенной институциональной практикой, закрепленной за каждым *сунцзин*; с другой стороны, указание на большое количество посвященных от Ши Фа-цзуна и Ши Дао-суна может свидетельствовать о том, что эта практика была связана с особым авторитетом «святых» монахов. В связи с вышеизложенным мы предлагаем рассматривать феномен декламаторов-*сунцзин* как институт, основанный на харизме. Так, например, существование могил монахов *сунцзин* с поминальными стелами косвенно указывает на возможность существова-

¹¹ 總持 // Muller Ch. Digital Dictionary of Buddhism. URL: <http://www.buddhism-dict.net/cgi-bin/xpr-ddb.pl?q=%E7%B8%BD%E6%8C%81> (дата обращения 4 авг. 2022).

ния их культов: это отчетливо проявляется в тексте «Сюй гао сэн чжуань» («Продолженные жизнеописания достойных монахов», автор – Дао-сюань, первая половина VII в.).

Категория декламаторов-*сунцизин*, таким образом, качественно отличается от категорий мастеров-*цзинши* и наставников-*чандао*, которые должны владеть определенными знаниями и техниками исполнения текстов, чтобы выполнять свои ритуальные обязанности.

Выводы

Чтецы-*цзинши* и наставники-*чандао* служили вместе во время покаянных церемоний-*чжай*: первые исполняли гимны, слогословия, читали нараспев сутры; вторые – произносили проповеди, посвящали людей в буддизм и возлагали пять мирских обетов, организовывали миссионерские экспедиции. Для того чтобы выполнять роль мастера-*цзинши* или наставника-*чандао*, нужно было обладать хорошим голосом, учиться у соответствующих учителей, быть образованным и знать наизусть множество текстов (как буддийских, так и конфуцианских, даосских и пр.), чтобы грамотно адаптировать монастырский схоластический буддизм под мирян.

Основная обязанность мастеров-*цзинши* и наставников-*чандао* – организовывать покаянные церемонии-*чжай* и взаимодействовать с мирянами (например, во время миссионерских проповедей и при посвящении в буддизм), т. е. эти две группы монахов можно рассматривать как связующее звено между изолированной монашеской общиной и верующими мирянами.

Оппозицию этим двум типам специалистов представляет категория декламаторов-*сунцизин*, которая не удовлетворяет ни одному критерию профессиональной группы, характерному для мастеров-*цзинши* и наставников-*чандао*. Чтобы считаться декламатором-*сунцизин*, не обязательно: 1) обладать особыми способностями к пению и декламации; 2) учиться технике исполнения; 3) декламировать тексты, петь гимны или читать проповеди во время религиозных собраний. Чтобы быть декламатором-*сунцизин*, нужно следовать максимально аскетическому образу жизни, регулярно читать религиозные тексты (социальная роль в этом случае обозначена минимально, т. е. рецитация текстов была скорее личной практикой), благодаря чему декламаторы-*сунцизин* приобретали качество *гундэ* (кит. 功德) – благодать, или святость. Видимо, благодаря этому качеству некоторые монахи *сунцизин* имели санкцию сангхи на то, чтобы посвящать мирян в буддизм.

Сокращения

ГСЧ – *Хуэй-цзяо*. Гао сэн чжуань [Жизнеописания достойных монахов] // Да чжэн синь сю да цзан цзин [Заново составленная Трипитака годов Тайсё]. Т. 50. № текста 2059. URL: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T50n2059_p0417a03 (дата обращения 5 авг. 2022).

Литература

- Ван Цзюань 2013 – *Ван Цзюань*. Гуаньюй «чандао» дэ циши [О различных смыслах понятия чандао] // Чэнда чжунвэнь сюэбао [Научный вестник филологического факультета университета Чэнгун]. 2013. № 41. С. 47–76.
- Ермаков 1993 – *Ермаков М.Е.* Культурно-исторический тип монаха (по материалам китайского собрания VI в. «Гао сэн чжуань») // Буддизм в переводах: Альманах. Вып. 2 / Ред.-сост. Е.А. Торчинов. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 385–400.
- Ермаков 1994 – *Ермаков М.Е.* Мир китайского буддизма: По материалам коротких рассказов IV–VI вв. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. 238 с.
- Рифтин 1970 – *Рифтин Б.Л.* Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М.: Главная редакция восточной литературы, 1970. 488 с.
- Сунь Кайди 1956 – *Сунь Кайди*. Суцзян, шохуа юй байхуа сяошо [Проповеди суцзян, разговоры и литература на байхуа]. [Б.м.]: Цзоцзя чубаньшэ [Writers Publishing House], 1956. 98 с.
- Сян Да 2001 – *Сян Да*. Тан дай Чанань юй Сиюй вэньмин: Тан дай суцзян као [Цивилизация Чанъани эпохи Тан и цивилизация Западного края: исследования *суцзян* эпохи Тан]. Шицзячжуан: Хэбэй цзяоюй чубаньшэ, 2001. 667 с.
- Чжэнь Ацай 2016 – *Чжэнь Ацай*. Лунь Дуньхуан вэньсянь дуй чжунго фоцзяо вэньсюэ яньцзю дэ кочжань юй мяньсян [О развитии и направлениях исследований китайской буддийской литературы в свете письменного наследия из Дуньхуана] // Жэньцзянь фоцзяо [Буддизм в мире]. 2016. № 5. С. 102–131.
- Ши Даюй 2019 – *Ши Даюй*. Цзин-дао дуй чжунго фоцзяо личань дэ инсян – и Лян «Гао сэн чжуань» вэй чжунсинь дэ таньтао [Влияние *цзинши* и *чандао* на буддийский ритуал покаяния в Китае] // Юаньгуан фосюэ сюэбао [Научный вестник Института буддологии Юаньгуан]. 2019. № 3. С. 74–100.
- Gernet 1995 – *Gernet J.* Buddhism in Chinese society. An economic history from the 5th to the 10th centuries. N.Y.: Columbia University Press, 1995. 441 p.

- Whitaker 1957 – Whitaker K. Tsaur Jyr and the introduction of Fannbay into China // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1957. Vol. 20. No. 1. P. 585–597.
- Wright 1954 – *Wright A.F.* Biography and hagiography. Hui-chiao's "Lives of eminent monks" // Silver jubilee volume *Zinbun–Kagaku–Kenkyusyo* / Ed. by Kyōto Daigaku, Jinbun Kagaku Kenkyūjo. Kyoto: Kyoto University, 1954. P. 383–482.
- Zürcher 2007 – *Zürcher E.* The Buddhist conquest of China. The spread and adaptation of Buddhism in Early Medieval China. Leiden: Brill, 2007. 472 p.

References

- Ermakov, M.E. (1993), "Cultural-historical type of a monk (according to 'Gao seng zhuan')", in Torchinov, E.A. (ed.), *Buddizm v perevodakh. Al'manakh* [Buddhism in translations. Almanac], iss. 2, Andreev i synov'ya, Saint Petersburg, Russia, pp. 385–400.
- Ermakov, M.E. (1994), *Mir kitaiskogo buddizma: Po materialam korotkikh rasskazov IV–VI vv.* [The world of Chinese Buddhism. Based on short stories from the 4th – 6th centuries], Andreev i synov'ya, Saint Petersburg, Russia.
- Gernet, J. (1995), *Buddhism in Chinese society. An economic history from the 5th to the 10th centuries*, Columbia University Press, New York, USA.
- Riftin, B.L. (1970), *Istoricheskaya epopeya i folklor'naya traditsiya v Kitaye* [Historical epopee and folklore tradition in China], Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, USSR.
- Shi Daoyu (2019), "Jingshi and changdao monks' influence upon Chinese repentance ritual – research concentrated on 'Gao seng zhuan' text", *Yuanguang foxue xuebao* [Influence of jingshi and chandao on the Buddhist ritual of penance in China], no. 3, pp. 74–100.
- Sun' Kaidi (1956), *Sutszyan, shokhua yui baikhua syaoshu* [Sujiang sermons, conversations and literature in Baihua], Tszotszya chuban'she [Writers Publishing House], China.
- Wang Juan, (2013), "About various meaning of the term 'changdao'", *Chengda zhongwen xuebao* [Scientific bulletin of the Faculty of Philology of Chenggong University], vol. 41, pp. 47–76.
- Whitaker, K. (1957), "Tsaur Jyr and the Introduction of Fannbay into China", *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 20, no. 1, pp. 585–597.
- Wright, A.F. (1954), "Biography and hagiography. Hui-chiao's 'Lives of eminent monks'", in Kyōto Daigaku and Jinbun Kagaku Kenkyūjo (eds.), *Silver jubilee volume Zinbun–Kagaku–Kenkyusyo*, Kyoto University, Kyoto, Japan, pp. 383–482.

- Xiang Da (2001), *Tangdai Changan yu Xiyu wenming. Tangdai sujiang kao* [Chang'an and Western region civilizations. Research on Sujiang literature of the Tang period], Hebei yanjiu chubanshe, Shijiazhuang, China.
- Zhen Acai (2016), "Discussing the development and trajectories of research on Chinese Buddhist literature considering the literary heritage from Dunhuang", *Ren xiang foxue xuebao* [Buddhism in the world], vol. 5, pp. 102–131.
- Zürcher, E. (2007), *The Buddhist conquest of China. The spread and adaptation of Buddhism in Early Medieval China*, Brill, Leiden, Netherlands.

Информация об авторе

Павел А. Богомолов, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Газетный пер., д. 5; wenegret6@gmail.com

Information about the author

Pavel A. Bogomolov, Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia; bld. 5, Gazetny St., Moscow, Russia, 125009; wenegret6@gmail.com